

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Скоблик Константин Владимирович

Ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск),
e-mail: 8923362@gmail.com

Применение положений формальной логики о родовидовом делении и классификации в области уголовно-процессуальной науки и обращение к понятию «модель уголовного процесса» позволили автору сформулировать ряд требований, соблюдение которых повышает вероятность создания цельных уголовно-процессуальных классификаций. Автор делит решения в российском уголовном процессе, отталкиваясь от парных категорий общественного и частного интереса и используя такие классификационные критерии, как цель уголовно-процессуального доказывания, назначение уголовно-процессуального решения в доказательственной деятельности, результат оценки имеющейся информации. В итоге создается фасетная классификация уголовно-процессуальных решений. Она позволяет связать классифицируемые решения с публичным началом российского уголовного процесса, показать роль того или иного решения в движении уголовно-процессуального доказывания от вероятности к достоверности, обеспечиваемого единством мыслительной и практической деятельности, вложить новое содержание в понятия начальных, промежуточных и окончательных уголовно-процессуальных решений, которые, как выясняет автор, связаны с прогностическими и познавательными решениями в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: публичная модель российского уголовного процесса, классификация уголовно-процессуальных решений, общественный и частный интерес, цель уголовно-процессуального доказывания, назначение уголовно-процессуального решения, результат оценочной деятельности

THE CLASSIFICATION OF DECISIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Skoblik Konstantin

Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk),
e-mail: 8923362@gmail.com

The author refers to the formal logic theory on a subsumption division and classification, which could be used in criminal procedure, as well as to the concept of «a model of criminal procedure». As a result, he introduces a number of requirements necessary for comprehensive criminal procedure classifications. The author classifies decisions in Russian criminal procedure using the concepts of «public interest» and «private interest» as well as the following classification criteria: a purpose of criminal procedure proving, a destination of a criminal procedure decision, and an outcome of evaluation of the given information. Finally, he makes the faceted classification of criminal procedure decisions. It allows seeing a connection between classified decisions and public origin of Russian criminal procedure. Moreover, the author's classification helps to show the role of each decision in criminal procedure proving and to insert a new content into notions of initial, intermediate and final decisions. The relation between initial, intermediate and final decisions, on the one hand, and prognostic and cognitive decisions, on the other hand, is revealed.

Key words: public model of Russian criminal procedure, classification of Russian criminal procedure decisions, public and private interest, purpose of criminal procedure proving, destination of a criminal procedure decision, outcome of evaluation

К настоящему времени процессуалистами созданы различные классификации уголовно-процессуальных решений, имеющие в своей основе тот или иной признак. Вопрос об отличительном характере такого признака, как правило, не ставится. Вместе с тем логики утверждают, что «вид состоит из рода и отличительного признака, т. е. из материи и формы, как статуя состоит из меди и своей особой формы»¹. Соответственно видовое понятие как элемент классификации должно включать не только все признаки родового, но и обладать признаком, который отличал бы один вид от другого в рамках одного рода. При этом отличительные признаки, как пишет Л. Г. Тоноян, ссылаясь на трактат С. Боэция «О делении», «присущи всегда и всякому субъекту и завершают субстанцию... Отличительный признак сам по себе (*per se*) нельзя отделить ни мысленно, ни действием...»². Из сказанного следует, что проводя родовидовое деление, а в особенности классификацию, в основе которой должно лежать указанное деление, необходимо использовать отличительный признак.

Итак, от исследователя, проводящего уголовно-процессуальную классификацию, требуется: 1) указать на модель уголовно-процессуальной деятельности, исходя из которой проводится классификация; 2) обосновать отличительность классификационного признака через демонстрацию его связи с основаниями модели уголовного процесса; 3) обозначить то, как видоизменяется признак, положенный в основу деления или классификации. Например, разделяя доказательства по способу доказывания на прямые и косвенные, необходимо определять суть прямого и косвенного способа доказывания. Как правило, сложностей с соблюдением этого требования не возникает: исследователи выполняют его путем раскрытия признаков видовых понятий, образованных в ходе логического деления или классификации.

Реализация приведенных установок повысит вероятность создания цельной уголовно-процессуальной классификации, выражающей ту или иную идеальную модель уголовно-процессуальной деятельности. Сформированная таким образом классификация уголовно-процессуальных решений будет отражать не только виды решений (особенное), но и закономерности уголовного процесса, выстроенного на той или иной основе (общее). Прежде чем выстроить подобную классификацию, рассмотрим предложенные ранее.

П. А. Лупинская, например, делит решения на начальные, промежуточные, окончательные (итоговые). Основанием такого деления, по ее мнению, выступают момент производства по делу, в который принимается решение, и влияние, которое оно оказывает на дальнейшее производство по делу. «Начальные решения дают право начать производство по делу или отдельную стадию (постановление о возбуждении уголовного дела...). Промежуточные решения принимаются по ходу производства в пределах одной стадии и касаются главным образом признания определенного процессуального статуса лица или вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий... Окончательными (итоговыми) называют решения, которыми заканчивается производство по делу в данной стадии»³. Также, с точки зрения П. А. Лупинской, решения подразделяются на основные и вспомогательные, однако впоследствии она указывает, что «по своей сути промежуточные решения являются вспомогательными».

¹ Тоноян Л. Г. Разработка операции деления в трактатах Северина Боэция // Логико-философские штудии. 2008. № 5. С. 71.

² Там же. С. 69.

³ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010.

Уважая заслуги П. А. Лупинской, сформировавшей одно из первых учений о решениях в уголовном процессе, проанализировавшей понятие уголовно-процессуального решения, механизм, этапы его принятия и формы, не можем не указать на следующее противоречие.

П. А. Лупинская, разделяя решения по разным основаниям на две группы, создает классификацию фасетного типа¹, согласно которой одно и то же решение, ввиду того что основания деления различны, может относиться одновременно к двум видам. Однако если промежуточные решения – вспомогательные, а вспомогательные – промежуточные, то начальные, например постановление о возбуждении уголовного дела, и окончательные, в частности приговор, исходя из ее логики, должны признаваться основными. И здесь возникает вопрос о том, как, например, начальное решение о возбуждении уголовного дела может быть основным, предназначенным, с точки зрения П. А. Лупинской, для оценки совокупности собранных доказательств и ответа в опоре на установленные обстоятельства на ключевые вопросы по уголовному делу (имело ли место событие преступления, виновен ли подсудимый в совершении преступления и есть ли основания для прекращения уголовного дела). Полагаем, что причина возникновения данного противоречия кроется в отступлении от правила проведения фасетной классификации, согласно которому сформированные классификационные группировки должны быть независимы друг от друга. В описанном случае возникла зависимость между классом промежуточных и вспомогательных решений.

Есть противоречие и в суждениях Д. С. Кроткова, который классифицирует уголовно-процессуальные решения, принимаемые при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, взяв за основу, как он сам утверждает, критерий П. А. Лупинской². Он полагает, что начальными решениями являются решение об осмотре места происшествия, о получении объяснений, об истребовании необходимых материалов, о получении справочной информации; промежуточными – решения о передаче заявления или сообщения по подследственности; окончательными – решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела или решение мирового судьи о принятии жалобы к производству³. Однако используя критерий классификации П. А. Лупинской, получить подобное деление невозможно. В частности, неясно, почему решения об осмотре места происшествия или о получении справочной информации отнесены к начальным (т. е., по определению П. А. Лупинской, дающим право начать производство по делу или его отдельную стадию), ведь указанные решения направлены на сбор и (или) проверку информации и принимаются уже после того, как была инициирована деятельность по проверке сообщения о преступлении. Названные решения нельзя считать и промежуточными, поскольку последние (как будет обосновано далее), в противоположность позиции П. А. Лупинской, не «принимаются по ходу производства в пределах одной стадии» и не «касаются главным образом определенного процессуального статуса лица или вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий»⁴.

¹ Фасетный метод – параллельное разделение множества объектов на независимые классификационные группировки (подробнее см.: Логика: учеб. / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртурмова, Б. И. Федорова. М., 2010. С. 109).

² Кротков Д. С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13 // URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5325.pdf>.

³ Там же. С. 13.

⁴ Лупинская П. А. Указ. соч.

Кроме того, авторы проанализированных классификаций отступают от правил, изложенных в начале статьи: не указывают на модель уголовно-процессуальной деятельности и на связь классификационного признака с основаниями выбранной модели.

Мы же предлагаем иную классификацию, исходя из модели российского уголовного процесса, построенного на публичном начале¹, которое в противовес состязательному началу определяется как такое соотношение общественного и частного интереса², при котором первый преобладает над последним. Таким образом, все уголовно-процессуальные решения в публичном уголовном процессе в зависимости от цели реализации того или иного интереса мы предлагаем разделить на решения, направленные на реализацию общественного интереса, и решения, направленные на реализацию частного интереса.

Для дальнейшего деления первой группы решений рассмотрим доказывание через понятие деятельности и очертим его цель. В современном российском уголовном процессе эта цель задана нормативно и состоит, как сказано в ст. 85 УПК РФ, в установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Отсюда следует, что уголовно-процессуальные решения, принимаемые в процессе доказывания и направленные на реализацию публичного интереса, должны быть связаны с установлением обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Исходя из того что обязанность достижения цели доказывания возложена на определенных субъектов: судью, прокурора, следователя, дознавателя (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), т. е. на должностных лиц органов государства, полагаем, что именно их решения направлены на достижение цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Остальные же решения, способствующие установлению данных обстоятельств, принимаются участниками уголовного процесса и лицами, представляющими частный интерес. Примером может служить решение защитника о заявлении ходатайств о приобщении письменных документов к уголовному делу в качестве доказательств в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ, о проведении следственного или судебного действия. Таким образом, решения, связанные с установлением подлежащих доказыванию обстоятельств, распадаются по признаку наличия (отсутствия) обязанности достижения лицом, принимающим решение, указанной цели на решения, направленные на установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (принимаются должностными лицами органов государства), и решения, способствующие установлению этих обстоятельств (принимаются участниками уголовного процесса и лицами, представляющими частный интерес).

Отталкиваясь от того, что познание – это единство мыслительной и практической деятельности³, а уголовно-процессуальное доказывание состоит из трех элементов: собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 85 УПК РФ), укажем, что решения,

¹ Подробнее см.: *Барабаш А. С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009.

² Само понятие «начало» может быть определено как «обуславливающее построение уголовно-процессуальной деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития» (подробнее см.: *Брестер А. А.* Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // *Уголовная юстиция.* 2013. № 2. С. 28).

³ Развернутое обоснование указанного единства и анализ позиций процессуалистов, психологов, философов по данному вопросу см.: *Барабаш А. С.* Публичное начало российского уголовного процесса. С. 242–247.

прямо связанные с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, по признаку их назначения¹ в доказательственной деятельности можно разделить на:

1) решения, фиксирующие результат оценки собранной и проверенной информации (решения о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, составлении обвинительного заключения, постановлении приговора, прекращении уголовного дела, уголовного преследования и т. п.);

2) решения, предназначенные для осуществления деятельности по собиранию и проверке информации и тем самым создания основы для оценки и принятия решения, отнесенного к первой группе (решения о проведении процессуального действия при проверке сообщения о преступлении, следственного, судебного действия и т. п.). Эти решения дополнительно закрепляют основания деятельности по собиранию и проверке информации, проведение которой необходимо для получения итога, фиксируемого решениями первой группы;

3) решения, создающие условия для собирания, проверки и оценки информации, т. е. для доказывания (познания) как единства мыслительной и практической деятельности (решения о применении меры процессуального принуждения, приостановлении или возобновлении приостановленного предварительного следствия, решение суда о проведении предварительного слушания, возвращении уголовного дела прокурору и т. п.)².

Решения, фиксирующие результат оценки имеющейся информации, в свою очередь распадаются в зависимости от содержания этого результата, получаемого при движении уголовно-процессуального доказывания от вероятности к достоверности, на начальные, промежуточные и окончательные. Задача первых – фиксация вероятностных выводов об обстоятельстве, свидетельствующем о возможном выполнении объективной стороны преступления (например, решение о возбуждении уголовного дела). Задача вторых при этом – не решение вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий (как указывала П. А. Лупинская³), а фиксация характеризующихся практической достоверностью выводов об обстоятельствах, предусмотренных ст. 73 (например, решение о составлении письменного уведомления о подозрении, привлечении в качестве обвиняемого). Под практической достоверностью мы понимаем такую «степень обоснованности знания, когда нельзя применять абсолютно понимаемое „все“, когда еще нет полной достоверности и, вместе с тем, когда уже преодолена ступень проблематического и вероятного обоснования истины и нет неопределенности „некоторые“»⁴. Немаловажно, что «...при знании практически достоверном, хотя и не обнаружен противный случай, однако его невозможность все-таки не доказана»⁵. Из обозначенных признаков промежуточного уголовно-про-

¹ Отметим, что критерий назначения уголовно-процессуального решения применим как в публичном, так и в состязательном процессе. Разница в том, каково это назначение, т. е. в конкретном его наполнении в зависимости от вида процесса.

² Схожую направленность на создание условий деятельности имеют процедурные решения, выделяемые А. В. Смирновым. Под процедурными он понимает решения, которые «обеспечивают предпосылки для успешного выполнения задач уголовного процесса за счет создания формальных условий судопроизводства (решения о передаче дел по подсудственности, о соединении и выделении уголовных дел, о признании участниками процесса и т. д.)» (Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984. С. 8).

³ Лупинская П. А. Указ. соч.

⁴ Георгиев Ф. И., Коршунов А. М., Ладоренко О. А. и др. Проблемы отражения. М., 1969. С. 118.

⁵ Там же. С. 117.

цессуального решения следует недопустимость существования понятия «промежуточное судебное решение»¹, поскольку решения суда не фиксируют по результатам оценки характеризующиеся практической достоверностью выводы об обстоятельствах, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Задача же окончательных решений – фиксация уже полностью достоверных выводов об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, постановлении приговора).

Нужно подчеркнуть, что мы, как и П. А. Лупинская, выделяем группы начальных, промежуточных и окончательных решений, однако используем иной классификационный признак, позволяющий избежать допусаемого П. А. Лупинской противоречия, наполняем эти понятия другим содержанием.

Приведенная классификация дополняется делением уголовно-процессуальных решений на прогностические и познавательные. Принятие решений первого типа обусловлено наличием дефицита информации и ситуации неопределенности, предполагающей формирование прогноза. Решения же второго типа принимаются при ликвидации дефицита информации и ситуации неопределенности. Как следствие, необходимость в прогностической деятельности в последнем случае отсутствует. Таким образом, прогностическое решение связано с вероятностью в уголовно-процессуальном доказывании, а познавательное – с достоверностью.

С учетом различий понятий «вероятность» и «достоверность» об окончательных и промежуточных решениях следует говорить как о познавательных, о начальных же – как о прогностических. При этом классы прогностических и познавательных решений не исчерпываются начальными, промежуточными и окончательными, но могут включать и иные решения, соответствующие выявленным признакам. Так, решения о проведении обыска или об избрании меры пресечения² следует считать прогностическими, поскольку лицо, их принявшее, лишь предполагает успех принятых решений: мера пресечения может быть нарушена, а в ходе обыска, вероятно, ничего не обнаружат. В то же время решение о производстве выемки – познавательное, поскольку в силу ч. 1 ст. 183 УПК РФ основанием его принятия выступает точное знание о том, где и у кого находятся предметы и документы, которые необходимо изъять.

Итак, мы используем два базовых деления решений в российском уголовном процессе: на прогностические и познавательные и на решения, нацеленные на реализацию частного интереса, и решения, нацеленные на реализацию общественного интереса, с последующим выделением разновидностей решений последней группы. Поскольку деления проводятся по различным основаниям и не исключают друг друга, то в итоге образуется фасетная классификация уголовно-процессуальных решений, которая, как и всякая классификация, упрощает действительность, разрывая тем самым существующее в ней единство³ и одновременно обнаруживая его.

¹ О необходимости отказа от использования в уголовно-процессуальном законе понятия «промежуточное решение», в том числе, по отношению к промежуточным судебным решениям говорили также В. А. Азаров и В. А. Константинова (подробнее см.: Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2-2. С. 81).

² О прогностическом характере решений об избрании мер пресечения см.: Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 12. С. 187.

³ Поварнин С. И. Общее учение о доказательстве. Пг., 1916. С. 9–11.

Библиография

Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2-2.

Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009.

Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 12.

Брестер А. А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. № 2.

Георгиев Ф. И., Коршунов А. М., Ладоренко О. А. и др. Проблемы отражения. М., 1969.

Кротков Д. С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 // URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5325.pdf>.

Логика: учеб. / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиргумова, Б. И. Федорова. М., 2010.

Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010.

Поварнин С. И. Общее учение о доказательстве. Пг., 1916.

Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984.

Тоноян Л. Г. Разработка операции деления в трактатах Северина Боэция // Логико-философские штудии. 2008. № 5.

Bibliography

Azarov V. A., Konstantinova V. A. Promezhutochnye resheniya suda pervoj instancii pri osushhestvlenii pravosudiya po ugovolnym delam // Izv. Altajskogo gos. un-ta. 2011. № 2-2.

Barabash A. S. Celi i osnovaniya izbraniya mery presecheniya v ugovolnom processe // Aktual'nye problemy ros. prava. 2015. № 12.

Barabash A. S. Publichnoe nachalo rossijskogo ugovolnogo processa. SPb., 2009.

Brester A. A. Nachalo ugovolnogo processa i ego vliyanie na ugovolno-processual'nyu formu // Ugolovnaya yusticiya. 2013. № 2.

Georgiev F. I., Korshunov A. M., Ladorenko O. A. i dr. Problemy otrazheniya. M., 1969.

Krotkov D. S. Ugolovno-processual'nye resheniya i sub»ekty ix prinyatiya v stadii vozvuzhdeniya ugovolnogo dela: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011 // URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5325.pdf>.

Logika: ucheb. / pod red. A. I. Migunova, I. B. Mikirtumova, B. I. Fedorova. M., 2010.

Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. M., 2010.

Povarnin S. I. Obshhee uchenie o dokazatel'stve. Pg., 1916.

Smirnov A. V. Dostatochnye fakticheskie osnovaniya ugovolno-processual'nyx reshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. L., 1984.

Tonoyan L. G. Razrabotka operacii deleniya v traktatax Severina Boehciya // Logiko-filosofskie shtudii. 2008. № 5.